

Круглый стол

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской Академии образования (РАО), доктор педагогических наук, профессор
- И. С. КОН** доктор философских наук, профессор, академик РАО
- С. Н. ИКОННИКОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ** заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ** заведующий кафедрой философии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, профессор
- Б. Д. ПАРЫГИН** заведующий кафедрой социальной психологии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Ю. В. СЕНЬКО** ректор Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой педагогики, академик РАО

Н. Д. НИКАНДРОВ

Уважаемые коллеги, нам предлагается обсудить ряд вопросов: гуманитарное образование в духовном пространстве; современная цивилизация, глобализация и проблемы сохранения культурной идентичности; цивилизация и культура; противостояние силы и мудрости, культура и зло; мировоззренческие истоки насилия и терроризма; глобальные вызовы современной цивилизации и будущее России; культура и слово, проблема моральной ответственности интеллигенции.

Первой темой нашего обсуждения будет вопрос, что такое духовное пространство и духовность.

И. С. КОН

В свое время на ленинградском «капустнике», в одной из его историй, следующим

образом определялось, что такое духовные ценности. Некая Дунька ездила за границу, купила там туфли, привезла их домой, а потом оказалось — давят, размер не тот. Носить невозможно, продать жалко, поставила их в сервант, — все ходят и любуются. Вот это и есть образ духовных ценностей, — это то, что не имеет утилитарного значения и, в то же время, то, что отдать жалко. Лучшего определения духовных ценностей, которые стали модны в 1980-х годах, не придумаешь.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мы очень часто говорим о слове «духовность», поминаем ее всуе, а лучше бы — всерьез. Раньше было противопоставление материального и духовного, так сказать *био* и *социо*. Физическая природа есть, понятно,

и у нас с вами, и у животных. Что касается социю, то у высших животных это, безусловно, тоже есть; если взять, скажем, муравьев, там тоже есть социю, и достаточно интересное. Но в человеке есть что-то еще, явно идущее свыше, — то, чего нет у животных. Это я и назвал бы духовностью и духом.

Это можно принимать в нерелигиозном и в религиозном плане, в зависимости от того, как человек рассматривает ситуацию и жизнь. Мне кажется, нужно просто заменить диадю: био и социю, триадой — био, социю, дух. Наверное, это тоже не определение, и философы могут очень многое возразить по этому поводу, но я думаю, что когда мы очень часто говорим о духовности, хоть какое-то понимание нам нужно иметь в виду, иначе мы просто не найдем общего языка.

У кого-нибудь есть желание выступить на тему гуманитарного образования в духовном пространстве современной цивилизации?

С. Н. ИКОННИКОВА

Мне показалась удивительно интересной сама постановка вопроса о дальнейшей гуманитаризации высшего образования.

Сегодня на конференции многие доклады об этом звучали очень актуально, остро, полемично и с выражением тех позиций, которые имеются на этот счет. Конечно, не всегда можно полностью согласиться с высказанными точками зрения, но было очень много новаторского.

Что касается состояния гуманитарных дисциплин в вузах, то мне думается, здесь есть некоторый сдвиг. Всем вузам были предложены 10 стандартных дисциплин, в числе которых общественные и гуманитарные. Но потом этот выбор был ограничен двумя обязательными дисциплинами: иностранным языком и физкультурой. Затем были рекомендованы философия и история. То есть шесть из десяти вузовских дисциплин, по которым есть учебники, учебные пособия и в которых за 15 лет так или иначе продвинулись гуманитарные науки, оказались вычеркнутыми из программ большинства вузов, то есть Ученые советы могли принимать решения об их изъятии самостоятельно.

По-моему, такая позиция является паллиативом. Надо все-таки говорить о продвижении гуманитарного образования в полном объеме, тем более что в предписанной десятке дисциплин отсутствуют литература и искусство. Ни культурология, ни социология, ни история не смогут восполнить эти пробелы. Необходимо определить состояние гуманитаризации и последующих перспектив современного образования.

Хорошо, когда президентом страны становится юрист (это все-таки человек с классическим университетским образованием), но в нашем современном обществе всякое может быть. И бывало, что президентом или руководителями высшего ранга становились люди, являвшиеся по образованию строителями, химиками-технологами и т. д. Не умаляя этих профессий, нужно все-таки признать, что для руководства страной перечисленного явно недостаточно.

Для духовного богатства нации необходимо не просто личное развитие каждого человека, но и решение проблемы безопасности общества в целом. То есть я хочу сказать, что гуманитарное образование — это не просто совершенствование человека, но это и безопасность общества, потому что оно готовит человека, которому доверяются судьбы, решения, переговоры и многое другое.

В современном обществе ярко выражено ощущение нравственного кризиса. Однако, может быть, в силу природного оптимизма или по какой-либо другой причине, мне не кажется, что все плохо. Конечно, расслоение в обществе огромное и налицо множество других проблем, но также есть колоссальные возможности и перспективы. И это не может не радовать.

Существует еще одна сторона проблемы: у нас в городе больше 100 кинотеатров, больше 100 всяких групп и т. д. Увлечение массовой поп-культурой уже чрезмерно и опасно. И необходимо как-то выровнять баланс сил в сторону развития индивидуальности — не личности, а именно индивидуальности.

На мой взгляд, удачна последовательная система персонификации учебного процесса, которая происходит здесь, в Гуманитарном университете профсоюзов. В гуманитарных науках особенно необходимо уйти от массовой культуры: если не к элитарной, то к персонифицированной культуре, с ее знанием уникальных особенностей личных биографий. Я это называю «исторической персонологией».

И наконец, в гуманитарном образовании удивительно важно иметь региональный аспект. Хорошо, когда мы знаем о культуре народов маори или о еще более далеких от нас племенах и землях, это очень важно. Но Северо-Запад, наш собственный регион, нуждается в еще большем осмыслении и познании его истории. У многих наших студентов, когда их спрашивают: «Где была первая столица Древней Руси?», отражается такое искреннее недоумение на лицах, что просто диву даешься. «Ну а Ладогу знаете?» — «Да, Ладога — это озеро», — и не больше.

Это очень серьезно, это уже национальная проблема, если мы сами не чувствуем, что не знаем своей, так сказать, родословной. Необходимо выровнять этот перекосяк, и о своем регионе, о Северо-Западе, надо знать не меньше, чем о других странах, а гораздо больше.

В. А. КОНЕВ

Светлана Николаевна затронула очень болезненную тему — соотношение гуманитарных и других дисциплин в университетах и иных вузах. Действительно эта проблема всегда стоит очень остро, когда обсуждаются учебные планы. И это давно началось. Если помните, у Канта есть работа «Спор факультетов».

В современной ситуации всем более или менее ясно, что узкая специализация при подготовке любых специалистов, будь то технических или естественно-научных, или гуманитарных — это тупик. Современному миру требуется универсальное образование, и постмодернистская культура прямо об этом свидетельствует. Кроме того, присоединяясь к Болонскому процессу, следует вспомнить о том, что старые европейские университеты строились совершенно по иному принципу, чем наши современные вузы, и вначале имели только три пересекающихся между собой факультета. Новая европейская культура изменила это положение, и факультеты университетов стали более многочисленными и независимыми друг от друга.

И в наши дни вопрос открыт: должны ли быть 10 обязательных дисциплин, о которых мы все время спорим, или только две-три основные? А может быть, сделать один курс или два курса для всех вузов обязательными: общекультурные, общеобразовательные дисциплины, которые современному культурному человеку необходимо получить в образовании? Иначе та традиция передачи национального духовного и культурного опыта, который существовал в обществе раньше, просто уйдет из жизни общества. А начиная с III курса можно уже переходить на узкоспециальную подготовку, которая уже существует в наших вузах.

И я хотел бы обратиться к президенту нашей Российской академии образования, чтобы он этот вопрос обдумал и обсудил на Ученом совете, потому что, на мой взгляд, в такой логике есть рациональное зерно. Тогда исчезли бы все эти споры кафедр и факультетов, которые существуют в современном вузе и очень мешают нормальному процессу образования.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Хотел бы добавить к вышесказанному следующее. На одном из совещаний у М. Е. Фрад-

кова, премьер-министра России, разговор неоднократно касался Болонского процесса. В документах Болонского процесса четко сказано: «Унифицируя в какой-то мере то, что есть в разных странах, нельзя потерять то лучшее, что есть в каждой стране». Поэтому нельзя говорить о том, что нужны только бакалавр, магистр, доктор, а от нашего специалиста постепенно отказываться. Нельзя столь узко интерпретировать документы Болонского процесса.

В 1992 году, когда все это только начиналось, речь тоже шла о системе подготовки бакалавров, которую нужно развивать. Но тогда четко говорилось, что это должно занимать не более 10–15%. И если брать это как общую стратегию развития нашего образования, то выравнивание по единому европейскому образцу не должно отменять то, что есть лучшего в каждой национальной системе.

Что до апокалипсических настроений в обществе, то американцы назвали этот социальный синдром «самооправдывающееся пророчество», или катастрофизм. Если мы постоянно будем говорить обществу, какое оно скверное, то лучше от этого оно не будет. Всем уже очевидно, что катастрофизм, доводимый до предела в некоторых наших телевизионных передачах, конечно же, не помогает нам действовать.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ

Мы должны называть вещи своими именами и говорить достаточно резко, требовательно, как это свойственно русскому менталитету. Одна из особенностей гуманитаризации в том, что гуманитарий не только анализирует и объясняет вещи, но деятельно участвует в жизни. Мы должны стремиться к тому, о чем мы говорим. И тогда то, как мы понимаем те или иные вещи, станет явлением самой жизни.

В письме Пастернака Мандельштаму есть одна простая, но удивительно точная фраза: «Умирает то, чему дают умереть». Мы, спокойно наблюдая за тем, что происходит в нашем образовании, даем умереть тому, что не должно умирать.

Если средний возраст вузовского преподавателя, по статистике, сейчас равен 61 году, а средний возраст школьного преподавателя — 55 лет, то есть практически пенсионному, то здесь не нужно долго размышлять. Это катастрофическая ситуация. Это не то, что может когда-то произойти, это уже случилось. Старая система рухнула, и мы можем из-под глыб, как Солженицын говорит, выбираться и находить пути, каким об-

разом выйти из этой ситуации. Например, известно, что существует средняя зарплата. На каждом шагу объявления: «Требуется швея или электромонтер 4, 5-го разрядов (а не 7-го разряда), зарплата — 8–9 тысяч рублей». Но при этом в государственном бюджетном вузе профессор на руки получает 4 тысячи с небольшим... А если без абстракции, то можно найти пример и здесь: на философском факультете нашего Университета был профессор Сергей Старцев — «звезда» факультета, в 27 лет монография о Хайдеггере, философская премия года в прошлом году и т. д. А где Сергей Старцев сейчас? Менеджер в строительной компании. Могу я осуждать его? Нет, не могу. Им с женой по 30 лет, вся юность отдана науке, только сейчас родился ребенок, а живут в коммуналке. И его поступок — уход из университета — это ответственное поведение мужика, так и должен поступать настоящий мужчина, отец. А молодежь идет цветами торговать, ящики пивные носить и прочее.

Но это не решение проблемы. А кому же работать в вузах? Кому заниматься наукой? И если мы так понимаем гуманитарное образование, как оно понято у нас — только на законодательном уровне, то как иначе мы можем относиться к тому, что происходит?

При этом российский Закон «Об образовании», действительно, потрясающий закон, не случайно ЮНЕСКО признало его образцовым. По существу, в учебных планах всех наших университетов есть три блока дисциплин. Собственно специальности посвящена одна треть дисциплин, другая треть — вспомогательные дисциплины и последняя треть — общегуманитарные, которые направлены на формирование человека как такового. В любом университете мира этот блок, конечно, фундируется гуманитарными дисциплинами. И если это так, то, на мой взгляд, данный блок должен быть даже не в ведении министра образования, а в ведении президента страны. А сейчас Министерство образования передало функцию составления государственных стандартов, включая и блок общегуманитарных дисциплин, УМО (Учебно-методическому объединению юридических, медицинских институтов).

Что же получается? Приезжает к нам дама, начальник Управления гуманитарных дисциплин Министерства образования, собирает заведующих кафедрами и говорит нам, что надо работать с УМО, потому что у них с нами разные позиции. Например, в медицинских институтах хотят, чтобы у них была не всеобщая история, а история медицины, а финансисты хотят изучать историю денег

и т. д. Это все, крушение даже того малюсенького общегуманитарного блока, который остался.

Этот демократизм — пусть решает Ученый совет, пусть решает декан — не просто ложный, это самая настоящая безответственность. А ответственность — это когда в Финляндии президент страны подписывает учебные планы, и никакой ректор не может в свое дело вмешаться. Ректоры тоже бывают разные. Три месяца назад слышал разговор на одном из круглых столов, транслируемый по радио из Москвы, где ректор какого-то юридического института сокрушался по поводу госстандартов: мол, сколько ненужных дисциплин. «Нам не хватает времени на свои дисциплины, а нам приходится на юридическом факультете читать философию», — говорил этот ректор юридического вуза. И это говорится в России, где гуманитарное образование, юридическое образование было основой гуманитарного образования: Бердяев, Вышеславцев, Ильин и многие другие известные личности были дипломированными юристами.

А сейчас во всех российских художественных вузах из госстандартов исключена эстетика; в госстандарте юридических факультетов нет этики. Что касается юридических факультетов, вообще трудно представить себе, как можно читать право, минуя то основание, на котором оно возникает.

Я считаю, что нельзя об этом говорить спокойно, мы должны плакать и называть вещи своими именами. Понимаете, если у государства есть деньги на то, чтобы в несколько раз увеличивать зарплату госбюджетным чиновникам, если есть деньги содержать водителей с зарплатой от 500 долларов, который возит всякого маленького чиновника, то как же мы можем допустить, чтобы образование и наука находились в таком состоянии, в каком они сейчас оказались?

Николай Николаевич приводил нам данные статистики, что только 50 из 2000 выпускников Герценовского университета пришло в школы, и неизвестно, сколько из них там остались. При том, что самая большая нехватка учителей (о чем я узнал из опубликованного в газете заседания Коллегии Министерства образования) в Москве и в Петербурге, а не в провинции. Понятно, выпускнице филологического факультета лучше идти посудомойкой в бар, чем в нашу школу, на зарплату учительницы. И я не могу осуждать этих молодых людей. Это действительно нормальная ответственная позиция по отношению к семье, к ребенку, если есть, и к себе. Как-то недавно я встречаю женщину, у

которой был оппонентом на защите в Государственном университете. Она была аспиранткой Моисея Самойловича Кагана, блистательно защитилась. Спрашиваю ее: «Ну, как дела?», думаю, может уже докторскую готовит. А она говорит: «Ничего, нормально, Георгий Александрович. Вот, учусь на 2-м курсе экономического факультета по специальности “Аудит и бухгалтерский учет”»...

Идет колоссальный сдвиг в сознании нации. Мы сожалеем об утечке кадров за границу, но что людям остается, когда блестящая аспирантка, которая философией хочет заниматься, вынуждена изучать аудит, потому что знает, что только так она сможет заработать достойные деньги.

Настало время действовать, мы все ждали слишком долго, что все само произойдет. И молодые долго надеялись и ждали, поэтому и оставались работать в университете, шли в аспирантуру, писали научные труды. Но сейчас в аспирантуру очень трудно набрать людей. Ребята бегут от армии, никто не собирается писать диссертацию. Из интервью с Гаспаровым: «Да, есть талантливые ребята, но, к сожалению, никого не могу оставить, никто не идет в аспирантуру»...

Что к этому добавить? По-моему, катастрофическая ситуация. Но не плакать надо, а резко и серьезно говорить, дать понять правительству, что мы чего-то стоим. Перестройка осуществилась на плечах и с помощью мозга интеллигенции, но интеллигенция может начать думать и вести себя по-другому, и правильно сделает.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Действительно, это расстраивает. Но лажировки не надо: если мы туберкулез назовем легкой простудой, то это не поможет его лечению. Что же касается выбора «плохо — хорошо», то это вечная проблема.

Однажды в одном небольшом вузе (недалеко от Москвы) я встречался с ребятами, и зашел у нас с ними разговор о том, что хорошо и что плохо применительно к современной музыке, и прежде всего речь шла о тенденциях в легкой музыке.

Конечно, никто не противопоставляет хорошую легкую музыку, скажем, классической музыке Чайковского или Бетховена. Это просто разные, несравнимые вещи. И я дал ребятам прослушать несколько вещей из современной эстрадной музыки, которые для меня являются символически безобразными вещами (например, «Зайка моя» Киркорова, «Муси-пуси» Кати Лель и другие — не знаю, все ли здесь слышали эти «произведения» современной культуры, но для меня это символ безобразия). А затем предло-

жил вниманию ребят ряд настоящих примеров хорошей эстрадной музыки и в качественном профессиональном исполнении. И знаете, они поняли разницу! Да, я прекрасно понимаю, что у меня в моем возрасте уже другие интересы и вкусы, но хорошее не может не нравиться, о какой бы возрастной категории слушателей ни шла речь. Это бесспорно.

Значит, вывод только один: нужно развивать вкус слушателей и предлагать их вниманию по-настоящему хорошую эстраду — российскую, американскую, французскую и всячески поддерживать ее. А легкая музыка всегда пробьет себе дорогу сама. Надо сделать так, чтобы люди поняли, что есть не только «муси-пуси», но и многое другое, значительно лучшее по качеству.

Б. Д. ПАРЫГИН

Вернусь к предложенному нашим председателем ракурсу рассмотрения проблемы: гуманитарная культура в контексте или в поле духовного пространства цивилизации.

Перед нами встал вопрос: то, что происходит с нашей культурой сегодня, — это драма, кризис или нет. Думаю, что это поверхностный знак еще более глубокого кризиса, социального.

Недавно вышла публикация Юрия Левады в «Аргументах и фактах», где остро выражена озабоченность тем, насколько мощное произошло расслоение в обществе. Сегодня 60% населения России живет за порогом бедности, на грани выживания; в целом по стране — миллион беспризорных детей. Такого не было даже после октябрьской революции и Гражданской войны.

Что это такое? Трагедия, за которой стоит непонимание, недооценка, невежество и острая недостаточность духовной составляющей в жизни общества. Эта драма — отражение нашей традиции одномерно смотреть на все проблемы. До октября 1917 года казалось, что если разрушим все до основания, то не будет и проблем. А когда все разрушили, оказалось — масса проблем. Потом было решено, что главная проблема — кадры: одних нужно ликвидировать, других поставить на место, и тогда все наладится. Оказалось, что и это всего лишь продолжение, углубление проблем. Ну, тогда пришло время перестройки. И главным стал человеческий фактор как таковой, но с ним разобраться не успели, слава Богу. С приходом в нашу жизнь демократов-рыночников всем вдруг стало ясно, что главное в человеческом факторе — это рынок: вот наладим рынок, и не будет никаких проблем. Но вскоре оказалось, что рынок рынком, а главное — это сила, власть. И тот,

кто на рынке власть приобретает любой ценой, и есть хозяин жизни.

Здесь как раз подходящий пример — США: сила есть, деталей, тонкостей не надо. Хотя США — конечно, государство высокой культуры, нельзя этого недооценивать. Но даже такое мощное государство, как США, которое очень сильно влияет на весь мир, сегодня все-таки оказалось перед моральным кризисом, одним из проявлений которого стала война в Ираке. Американцы переживают очередной, так сказать, «иракгейт» как кризис власти и всеобщее потрясение.

Дело в том, что США повторили нашу ошибку: их колоссальный психологический потенциал был поставлен на службу власти силы. А поскольку, по концепции бихевиоризма, человек — объект биологический, результат социальных влияний, то главное — это инструмент манипуляций человеком. И США подали нам пример этой силы и власти. Мы начали быстро копировать: реклама, черный пиар и т. п. Гордиться здесь нечем, это просто неприлично, а мы гордимся искусством изощренной манипуляции — уметь доказать превосходство силы, любой. И вдруг Америка, где, казалось бы, силы навалом, «лопается» — на моральном сюжете. И вот тут-то вдруг вспоминаешь, что действительно моральные ценности необходимы, нужна индивидуальность.

Уникальность личности, индивидуальность — это высшая ценность интеллигенции. Правда, отдельные мои коллеги считают, что в психологии такого объекта быть не может, потому что индивидуальность не предмет науки. Это тонкое дело, действительно, это искусство, публицистика, может быть.

Однако пойдя по американскому пути развития, мы вернулись к тому, от чего отказались, в чем потерпели поражение: взяв в пример страну, которая превзошла нас по части изощренности искусства манипуляции и, подражая по инерции ей, мы чувствуем дискомфорт, потому что это нам чужеродно, мы иные. Отсюда и глубочайший кризис во всех областях жизни.

Мне кажется, что выход из положения заключается в том, что нам нужно по-новому осознать бессмысленность, необоснованность, бесперспективность попыток инерционного одномерного подхода к многомерным явлениям, каким является и социум, и человек, и мы.

Мы не должны быть столь прямолинейными и зашоренными: или Восток, или Запад — вы правы или вы не правы. Мы одинаково можем заблуждаться относительно тех сложных явлений, с которыми мы имеем дело и в

рамках которых мы сопоставляем свои взгляды и дискутируем. Нужна более высокая планка видения гуманитарного потенциала. И если наше гуманитарное образование недооценивается где-то в верхних эшелонах чиновничьей власти, то за этим стоит, прежде всего, колоссальная отсталость определенной части народа именно в гуманитарной области, в духовной культуре, если хотите.

А парадокс в том, что только Россия и могла быть на старте прошлого века носителем высочайших эталонов духовно-нравственной культуры. Ну, по-большевистки решили просто: эти тонкости потом когда-нибудь, сначала — до основания, а потом вернемся. Но оказывается, вернуться не так просто: до сих пор мы не можем восстановить более тонкий взгляд на вещи.

И США нам не пример, потому что их квазидуховная гуманитарная культура оказалась на деле перевертышем — двойным стандартом. Поэтому и с Европейским Союзом у нас непростые отношения, но и у нас двойной стандарт вступает в силу. Но мы также заговорили и о духовных ценностях: индивидуальность, уникальность, духовность. Заговорили потому, что оказываемся в вечном долгу перед нереализованным колоссальным потенциалом российской духовно-нравственной культуры, которую нельзя реализовать, если мы начнем свертывать гуманитарное образование. Так мы никогда не выйдем из духовного кризиса. Между тем, это кризис не только наш, это кризис духовного пространства мировой цивилизации.

Американцы оказались перед фактом, что их претензия на мировое лидерство несостоятельна. И наша попытка подражать Америке тоже несостоятельна. Нужно вернуться к нашим истокам, но на другой основе, более фундаментальной, научной. Но как это сделать, если в стране идет процесс свертывания всех программ на развитие культуры и науки? А психология вообще не входит в ряд обязательных гуманитарных дисциплин. И это при том, что весь мир признает неповторимость и сложность русской души, русского духа.

Поэтому я целиком присоединяюсь к тем, кто озабочен проблемой доли гуманитарных дисциплин в общем поле образования и духовной культуры, потому что подлинную духовность несут в себе именно российские традиции философско-религиозного сознания.

Основная трудность здесь в том, что никак не удается нам соединить высокий полет духовно-нравственного видения с элементарным прагматическим подходом. Это вечный разрыв между высокими рубежами нашего

полета и прагматизмом в практическом действии. Американцы это сумели сделать, но лишь на более усеченном, суженном фронте видения этих явлений. А мы пожинаем плоды непонимания этой проблемы в высших эшелонах образовательной власти, поскольку в нашей действительности, увы, наиважнейшие вопросы нашего бытия нередко решают люди, не имеющие соответствующей подготовки.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Есть, конечно, соблазн поговорить со статистиками насчет бедности и беспризорности, но я воздержусь, поскольку эти цифры очень разные и ничего не добавляют нового в нашей дискуссии. А вот о шестидесятниках скажу несколько слов. Дело в том, что были разные шестидесятники: речь шла о XX веке, но и в XIX столетии имелось такое течение. Одним из шестидесятников той поры являлся Федор Кони, который написал очень интересное стихотворение «Нельзя, чтобы цвела страна». Я по памяти его воспроизведу, и вы поймете, о чем идет речь:

Нельзя, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка,
И где зависит все от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И как звездами лечат знать
От заслуженных ей пощечин!
Где недостатка нет в полах,
А веры не видать от века;
Где Бог в одних лишь образах,
Не в убеждениях человека!
Где все правительство живет
Растленьем нравственным народа;
На откуп пьянство отдает
Для умножения дохода!
Где в царство власти и чинов
Даны на откуп поколенья;
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья!

И многие другие вещи, весьма важные и в наше время, были отражены в творчестве того поколения шестидесятников. Когда мы говорим, что в советских период мы что-то недоделали или плохо делали, надо понимать: многие наши беды из давних-давних времен. И если мы пытаемся быстро, революционным путем менять ценности, то, как и показал опыт, они могут изменяться самым непредсказуемым образом.

И еще нормальному развитию страны очень мешает черный пиар. Термин появился в наши дни, но само явление было всегда.

Если говорить о XIX веке, то во времена Николая Алексеевича Некрасова был в Петербурге некий журналист Буренин, о нем мало кто знает, я тоже случайно о нем узнал, а вот эпиграмму на него я хорошо знаю со студенческих времен:

Бежит по улице собака,
Идет Буренин, тих и мил.
Смотри, городской, однако,
Чтоб он ее не укусил!

Однажды я услышал от В. В. Познера по поводу обилия черного пиара: «Вы знаете, это естественная ситуация. Если мы напишем о том, что собака укусила человека, ну кого это может интересовать, а вот если мы напишем, что человек укусил собаку, это уже интересно».

Сделаю вывод, который, может быть, не примут многие: нам необходима мягкая, не политическая, но цензура. Н. А. Некрасов, например, как вы знаете, не однажды имел неприятности с цензурой, но когда в его время наступило некое послабление цензуры, совсем небольшое по нашим меркам, то этот великий поэт и гражданин написал:

Ай да свободная пресса!
Мало нам было хлопот?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, незнакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый лесной...

Так что черный пиар, как его ни называй, существует давно. Однако это не повод с ним мириться. Необходимо ясно и громко заявлять о своей гражданской позиции с самых высоких трибун.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ

Когда мы говорим о духовности, то можно четко заложить в это понятие наши представления о том, что у нации нет духовности, если у нее нет своей идеологии, нет идеалов, нет веры и главных целей, ради которых люди готовы жить, работать и даже умирать.

Вот так я понимаю наличие духовности у любой нации. И в этом контексте, если посмотреть на связь между развитием духовности нации и гуманитарным образованием, то, на мой взгляд, дело здесь не в нашем вузовском образовании, — мы получаем уже полупродукт. Истоки проблемы я вижу прежде всего в школе. И более того, если учиты-

вать, что такое суть школы, то практически стопроцентное гуманитарное образование закладывается там: от понимания гуманности, духовности, будущности и смысла всей жизни молодого человека, будущего специалиста, которому мы в вузе придадим лишь последнюю огранку. Поэтому мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, о чем мы в последние 10 лет практически не говорим.

Русская национальная духовность тоже имеет свои истоки, которые лежат в русском селе, в деревне. И если мы с вами сегодня хотим реанимировать многие идеи, то необходимо вернуться к тем истокам, где аккумулировались эти идеи, из которых мы вышли и которые мы в самом трудном лихолетье всегда отчаянно защищали.

Начало русской духовности — в сельском социуме России.

Может быть, мои уважаемые коллеги со мной не согласятся, но я глубоко убеждена, что на сегодняшний день идет глобальное наступление на лучшие традиции российской школы, той школы, с которой я и рядом не поставлю ни одну национальную зарубежную школу (а я довольно много езжу за границу и вижу там многие лучшие вузы). Поэтому мне думается, что в этих условиях глобализация — одна из самых сложных и благодарных задач, которые должна решить вузовская общественность. Именно вузы должны сохранить те лучшие национальные традиции российской школы, которая никогда не ставила себе целью подготовить «узкощелевых» специалистов для определенного сектора рынка.

Наша традиционная школа видела две обязательные ступени в подготовке кадров: вначале дать специальность, высшее образование, получить специалиста, но только для того, чтобы в итоге в его лице увидеть представителя российской интеллигенции.

По результатам наших исследований, на сегодняшний день у нас формируются три слоя интеллигенции. Один из них всем нам хорошо известен — это гуманитарная интеллигенция, я о ней говорить не буду. Обращу внимание на два других ресурсных и противоположных друг другу слоя в нашей новой интеллигенции: это сельская интеллигенция России, которая была и раньше, и абсолютно новая, современная, очень плохо нами изученная, экономическая интеллигенция России.

Что же нам в условиях глобализации более необходимо: блестящий специалист, узкоотраслевой, для конкретного сектора рынка, или разносторонне развитой специалист, который будет так же широко вариативен на рынке, как и в прошлом веке во всех областях жизни. Наша высшая школа дает образо-

вание не только по конкретной специальности, необходимой в данный период времени, но закладывает общий комплекс образования с ресурсом его изменения по профилю профессий минимум на 10–12 лет. И мы можем этим гордиться.

Самый большой вопрос современной России: выживет ли сельская интеллигенция и сельский учитель под натиском ближайшей глобализации? Я приведу несколько цифр, которые во многом сами говорят за себя. Что мы сегодня имеем в России в сельском социуме? Ведь 2/3 российских школ — сельские (это примерно 44,5 тысячи школ), где сегодня работают 665 тысяч сельских учителей. Это колоссальный, феноменальный пласт центрального ядра сельской интеллигенции. И конечно, встает вопрос: если мы распространяем ЕГЭ, ГИФО и все прочее, то рассчитываем, что в Петербург и Москву будут приезжать из российской глубинки люди.

Поэтому для нас с вами важно иметь в виду, что сегодня в России осталось только 155 тысяч сел, и в 20% из них проживают не более 10 человек, а 8% — это «мертвые» села, где больше не осталось ни одного жителя. Встает вопрос: кого же мы готовим и что мы будем иметь в будущем из сельского социума?

Это вопрос, конечно, к духовности самого сельского учителя. За последние 15 лет мы впервые вернулись к проблеме сельского социума в России и провели исследования нравственных ценностей сельского учительства. Сейчас закончена уже вторая часть этого проекта — изучены влияния средств массовой информации, телевидения на поведенческие установки сельской учащейся молодежи.

Первая, пожалуй, самая тревожная тенденция: сегодня у нас сельский учитель — это деградирующий специалист. По шкале престижности для 60% всех категорий опрошенных людей (в том числе и сами учителя, и студенты) считают, что это больше не престижная профессия в России.

Кроме того, основные качества сельского учительства, которыми недовольны родители сегодня — это то, что у сельских учителей дети отошли на второй план, а собственное выживание и земельные участки занимают все более их внимание. И, кстати говоря, 25% учителей отметили, что у них сегодня нет времени для повышения квалификации, надо заниматься собственным участком.

Еще одна тревожная деталь: какие ценности сохраняются в плане образования среди сельского учительства? Мы обратили внимание, что на первом месте остается, к сча-

тью, повышение высшего педагогического образования. Но 45–48% сельских учителей считают для себя сегодня одной из важнейших ценностей перекалфикацию и получение дополнительной профессии. А это явный крен на возможный выезд из села. Миграционные настроения сегодня в российском сельском учительском социуме очень серьезные: 28–32% учителей готовы уехать в любой момент, как только представится возможность.

Какие выводы? Во-первых, необходимо реанимировать сельское учительство России, и мы как гуманитарии должны быть в этом кровно заинтересованы и всячески содействовать улучшению положения сельской интеллигенции.

Во-вторых, в связи с проблемой сохранения духовных ценностей под натиском наступления глобальных ценностей я обращаю внимание только на одну очень характерную деталь. Принято считать, что с приходом демократического строя в России большинство населения, особенно интеллигенции, переняло так называемые новые ценности. Но вопреки всем гипотезам, опросы этого не подтвердили: 72% сельских учителей России сохраняют те ценности, которые у них были в прошлом, в том числе в советские годы, и только 17% — имеют новые ценности. Но прежде всего к вновь приобретенным относят ряд прав и свобод: на перемещение, получение дополнительной работы, добавочного заработка, независимость творчества и т. п. Это хорошие ценности, почему бы нет.

Несколько слов скажу о патриотизме как части национальной духовности. По результатам опросов, 52% сельского учительства испытывают до сих пор гордость за родную страну, хотя только 2% — полагают, что Россия стала демократической, и 12% — считают, что наша страна сегодня владеет передовыми технологиями.

Думаю, если 52% сельского учительства так или иначе заявили о том, что они при минимальной помощи готовы остаться жить и учить в деревнях и селах, то это уже очень хорошая база для уверенности в том, что мы не потеряем сельское учительство в ближайшие годы. И кроме того, одна любопытная деталь — отношение к армии. Вы знаете, мы были очень поражены, что среди сельских школьников готовность служить заняла второе место (впервые за последние 18 лет), но на первом месте, конечно, осталось желание уехать учиться в вузе.

В отношении пропаганды села избрана абсолютно неправильная тактика, точнее, налицо полное ее отсутствие. Исчезли практически все журналы, посвященные селу. За-

крыли и передачу «Сельский час», место которого заняли «два притопа, три прихлопа» на фоне рассказа о каких-то странных растениях, выращиваемых на вилле Березовского в Англии. Думаю, нашей вузовской гуманитарной интеллигенции стоило бы поставить вопрос перед общественностью о необходимости возвращения и «Сельского часа», и журналов и газет, посвященных сельским проблемам. В связи с чем вспоминается Андрей Болотов и его журнал под названием «Сельский житель». Понимаете, не сельский социум вообще, а «Сельский житель» интересовал блестящий просвещенный XVIII век.

Необходимо пересмотреть сложившуюся практику игнорирования сельских проблем и активизировать приток новых, свежих сил на периферии, потому что сельское учительство без поддержки гуманитарной вузовской интеллигенции не в состоянии решить многие свои проблемы.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мне пришлось бывать в очень дальних селах, и я видел полное подтверждение вышесказанному. Положение селян можно охарактеризовать одной очень серьезной фразой, сказанной в свое время Столыпиным: «Бедность — худшее из рабств».

Свобода — это величайшая человеческая ценность, но если свободы провозглашены, а экономической основы для их осуществления нет, то они немногого стоят.

Ю. Ф. КИРЮШИН

В своей практической деятельности я всегда предпочитал быть практиком, конкретным человеком. В 1997 году, когда я был избран ректором, оказалось, что воспитательная работа была у нас практически развалена. Студенты были предоставлены сами себе, а преподаватели бегали по разным «шарашкам», подрабатывая себе на жизнь. Потребовалось буквально года полтора-два, пока мы не навели порядок. Как? Просто создали преподавателям условия для совместительства, вернули институт кураторства и сделали воспитательную работу одной из главных в вузе. И дело сдвинулось с мертвой точки.

Я считаю, что никакая гуманитарная компонента в нашем образовательном стандарте никогда не повысит нам духовность, если мы не будем заниматься воспитанием этой духовности. Вот Николай Дмитриевич скажет, что наш эфир заполнила поп-музыка самой низкой пробы. Но ведь вкус-то надо прививать со школьной скамьи. У себя же в университете мы организовали на факультете искусств свой студенческий оркестр;

воссоздали капеллу, которая развалилась в 1990-е годы (сейчас у нас два состава капеллы); кроме того, на всех факультетах организовали театральные коллективы, самодеятельность и т. д. Но главное, мы сделали акцент на воспитание у студента сознания, что получение качественного гармоничного образования — это его будущее, хорошая возможность устроить свою жизнь и карьеру.

И сейчас отношение студентов к образованию резко изменилось к лучшему. Если раньше концерты оркестра и капеллы посещало очень небольшое количество студентов, то сейчас — большинство. Мы заключили договоры с театрами, покупаем через Лигу студентов билеты на лучшие спектакли, и студенты охотно заполняют залы целиком. Причем дискотека, имеющаяся при вузе, в конечном счете сама собой умерла, потому что не было желающих ходить на нее, — студентам стало некогда.

В целом у нас 17,5 тысячи студентов, в головном вузе где-то около 13 тысяч, и в прошлом году по зимней сессии было 1300 отличников, а в этом году — 1650. Так изменилось отношение к учебе.

Я глубоко убежден, что ни одна даже самая прекрасная книга, написанная ведущим ученым, не будет иметь того воспитательного значения, какой возможен, если он сам придет с этой книгой на лекцию или станет постоянно работать в качестве куратора группы студентов.

Мы часто говорим о том, что у нас происходит свертывание гуманитарного образования, а я абсолютно с этим не согласен. Например, у нас в университете из 16 факультетов — 12 гуманитарного профиля. За 5 лет мы открыли 36 новых специальностей, из них более 2/3 — гуманитарные. И конкурс на гуманитарные специальности у нас не падает, а наоборот, растет. Это говорит о том, что нам надо самим все-таки смотреть, какое гуманитарное образование мы даем, и заниматься именно воспитательной работой со студентами, развивая их духовность. Мы пнем на что угодно, только не на себя: мол, школы виноваты, получаем полуфабрикат, и в вузах тоже недодают. Так давайте изменим эту тенденцию. Понимаете, никто за нас ничего не изменит, и даже самое прекрасное постановление правительства не поможет.

Действительно, в сельской школе положение сложилось очень тяжелое. Но что конкретно делает университет для улучшения этой ситуации? С одной стороны, мы за два года переподготовили более 3,5 тысячи учителей в системе Интернет, и прежде всего —

по информатике. И сами сельские учителя с большим удовольствием ехали на переподготовку. С другой стороны, мы сейчас где-то в семи районах края открыли университетские лицеи и создали систему непрерывного образования, теперь это уже система колледжей. Одним из старейших является Михайловский лицей, который находится за 400 км от Барнаула, на границе с Казахстаном. Там каждый год около 85 учеников, из них более 90% поступают в вузы, причем не только Барнаула, Омска, Новосибирска, Новокузнецка, Кемерово, но и в столичные.

На сегодняшний день пять сельских учителей учатся у нас в аспирантуре, двое из них уже защитили кандидатские диссертации и будут преподавать в колледже. Это вот реальная возможность улучшить положение школьных учителей. Еще раз повторю, сколько бы мы не говорили, ситуация у нас не изменится, пока мы не научимся реально действовать сами и помогать другим.

Да, договор Болонского процесса подписали все европейские державы, но каждая страна оставила за собой право сохранить особенности национального образования, а мы почему-то об этом забываем. У нас все время в печати идут разговоры о том, что мы подписали этот договор для того, чтобы на Западе признавали наши дипломы. Но это лукавство: мы сами говорим, что идет огромная утечка мозгов, что многие западные страны охотно принимают выпускников наших вузов (правда, больше по техническим специальностям) и российские дипломы признают, только приезжайте. Главное все-таки в другом — надо сохранить особенности нашего образования.

Не знаю, обратили вы внимание или нет, но буквально перед тем, как наше правительство было отправлено в отставку, по субъектам Федерации Министерством по образованию было разослано письмо, где предлагалось комитетам по образованию субъектов Федерации обсудить вопрос, нельзя ли поручить колледжам готовить бакалавров. Вот это, на мой взгляд, самое страшное: если такое решение будет принято, то произойдет полное разрушение нашей системы высшего образования. Бывшие техникумы начнут готовить бакалавров, поскольку бывший министр Филиппов говорил, что диплом бакалавра приравнивается к диплому о высшем образовании, то вы понимаете, что это означает.

Это очень серьезный момент, и с этим действительно надо бороться всем нашим научным, преподавательским сообществам и отстаивать основные принципы высшей школы.

Ни для кого не секрет, что в различных вузах соотношение преподавателей и студентов совершенно разное. С 1998 года в большинстве вузов было введено новое соотношение: 10 студентов на одного преподавателя, а в МГУ и в ряде других ведущих вузов — сохранено прежнее: один преподаватель на четырех студентов. Это совершенно разные условия для подготовки специалистов. Здесь изначально заложена градация вузов внутри страны, а следовательно — определенная несправедливость в высшем образовании.

Мы также много говорим о введении ЕГЭ, но здесь тоже есть свои положительные и отрицательные моменты. Положительные моменты в чем? Ну, скажем, что у меня, как у ректора вуза, не болит голова, как там приняли экзамены: приехали лучшие, отобрал из них нужное количество студентов, и все.

Но как показала практика, в прошлом году резко возросло количество сельских ребят, поступивших в вузы по результатам ЕГЭ, однако это, скорее всего, не потому, что они более талантливые, чем городские дети, а в силу того, что условия сдачи экзаменов были настолько комфортными для них, что они показали более высокие результаты. В пользу этой версии говорит и тот факт, например, что самые высокие показатели по русскому языку были показаны у нас в северокавказских республиках, тогда как в другие времена сочинение на русском языке являлось для абитуриентов этого региона наибольшей проблемой.

Еще одной тревожной тенденцией является все увеличивающееся платное обучение. И наши городские школы очень увлекаются различными платными факультативами, они сокращают количество обязательных предметов, курсов, которые необходимы и которые изучаются в вузах, а добавляют этику, эстетику, латинский и какой-либо второй иностранный языки, — все, что можно втиснуть в дополнительный курс обучения и заставить родителей платить. Это очень тревожный момент, потому что с каждым годом общая подготовка выпускников школы падает. И если сейчас не вмешаться и не навести порядок, то мы с каждым годом будем иметь все более слабое качество подготовки наших абитуриентов.

Ю. В. СЕНЬКО

Мне хотелось бы вернуться к началу нашей дискуссии о гуманитарном образовании в духовном пространстве современной цивилизации. Я настаиваю на том, что у современной цивилизации духовного пространства

просто не существует. И одним из доказательств этого прискорбного факта является то, что в Законе РФ «Об образовании» нет слова «гуманитарный». Поэтому все, что мы делаем в рамках гуманитаризации, мы делаем против закона или, во всяком случае, не в его рамках.

Конечно, проблемы, связанные с гуманитаризацией, лежат гораздо глубже, потому что это проблемы сугубо цивилизационного подхода к образованию и в образовании. Мне думается, что цивилизация, если говорить о содержании образования, есть не что иное, как знание самодовольное, то, что наработано наукой, что человек должен усвоить, а потом использовать. А где есть такое самодовольство, там есть и самодостаточность, и давление науки, авторитета преподавателя и учителя. Еще Монтень в своих «Опытах» сказал замечательную фразу: «Авторитет учащего часто мешает желающему учиться». Однако М. В. Ломоносов говорил, что «науки затем изучать нужно, что они ум в порядок приводят».

Все образование выстраивается по некой цивилизационной лестнице, где есть знающий, впередсмотрящий, и есть незнающий ученик, которые взаимодействуют. И если мы говорим о гуманитарной составляющей образования, тогда нужно учесть простое обстоятельство, что взаимодействуют не учитель и ученик, не преподаватель и студент (это только социальные функции, роли, маски), а реальные живые люди, которых образование свело друг с другом. Тогда выстраивается совершенно другая логика, и возникает необходимость выстраивания образования не на цивилизационных началах, то есть основываться не на наполнительной модели образования, а на культурологической.

Несколько лет назад Александр Невзоров — образованный, или, точнее, цивилизованный, человек — в передаче «600 секунд» показал репортаж, который он вел прямо с БТР. Еще бой гремит совсем рядом, шум вокруг и сумятица, а Невзоров лезет в ранец к бойцу, достает оттуда вяленое ухо и говорит, что каждый солдат, если он настоящий российский солдат, должен носить в своем ранце вяленое ухо чеченца... Невзоров — человек цивилизованный, но что касается его культуры и духовности — здесь очень большой вопрос.

Разумеется, вопрос о культуре — гораздо глубже, потому что цивилизация — это сила вещей, а культура — это связь людей, и последнее все-таки оказывается сильнее. Думаю, что разруха действительно не в клетках, а в наших головах, как говорил клас-

сик. И образование в той мере действительно образование, в какой оно гуманитарно, то есть обращено к другому. Образование — это встреча в осмысленном мире, иначе все остальное получается от лукавого.

Н. Д. НИКАНДРОВ

Мы обсуждали сегодня самые насущные проблемы, волнующие умы нашей интеллигенции, и прежде всего то, что нам всем как нации не хватает гуманитарной культуры, и это имеет очень серьезные последствия. Говорили также о том, что глобализация мешает нам решать разумно вопрос о сохранении национальных ценностей внутри общемирового и общечеловеческого духовного пространства. Как результат — появление так называемых

антиглобалистов, хулиганствующих субъектов, которые жгут машины, бьют витрины и т. д. Но ведь это социальное явление отражает устремления не только отдельных субъектов, но и значительной части общества.

Говорили мы и о том, что высокая культура должна получить большее место в наших средствах массовой информации, на радио и телевидении, а также о тяжелом экономическом положении в России и конечно же об образовании, о том, что оно очень многое может изменить в нашей жизни. И на макро-, и на микроуровне проблема недостаточного государственного финансирования системы образования очевидна. Все это действительно очень важные проблемы.